
Рецензия на книгу “The Hunger Games”: Ukrainian Famine of 1932–1933 in History, Historiography, and Historical Policy” Banská Bystrica: Belianum, 2020. 270 p. ISBN 978-80-557-1765-4
авторов Viachaslau Menkouski, Michal Šmigel, Lizaveta Dubinka-Hushcha.

В современной политической практике часто наблюдается использование событий исторического прошлого с целью обоснования легитимизации власти либо же формирования идеи, которая может объединить общество. В значительной степени это характерно для постсоветских государств, которые среди прочего пытаются определить свое отношение к истории СССР и его наследию. Политики предлагают единственно правильную, по их мнению, оценку прошлого, которую пытаются закрепить в виде постановлений и законодательных актов.

К одной из проблем, вызывающих жаркие научные и политические споры, относится проблема голода 1932-1933 гг. в СССР. Проследить, каким образом этот вопрос представлен в истории, историографии и исторической политике попыталась международная команда исследователей в составе профессора В. И. Меньковского (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь), доктора М. Шмигеля (Университет им. Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия) и доктора Е. Дубинка-Гуци (Копенгагенская Высшая школа экономики, Дания). Свои выводы и наблюдения они представили в двуязычном, англо-русском, издании «“Голодные игры”: украинский голод 1932-1933 гг. в истории, историографии и исторической политике».

Структурно работа состоит из 5 частей: предисловие; введение под названием «История советского голода»; обзор историографии Голодомора; анализ исторической политики Украины и России; заключение, где представлены международная реакция и законодательные акты по рассматриваемой проблеме.

В предисловии авторы рецензируемого издания характеризуют эволюцию в подходах и понимании терминов «политика памяти», «геноцид» и «геноцидизация». Последний вводится в работу «для описания повторного изобретения украинского нарратива советской действительности» (с. 141) и понимается как дискурсивный подход власти, который предполагает, что «реальность приобретает определенный смысл через репрезентацию. Политические акторы борются за обладание правом определять сферу интерпретации и экстраполировать свое влияние на социально-политические отношения» (с. 145). Авторы не обозначают в издании свое понимание политики памяти и исторической политики. Однако, судя по содержанию, они придерживаются подхода, представленного в работах А. Миллера и Г. Касьянова¹. При этом в самой монографии преимущественно используется понятие «политика памяти».

Введение посвящено истории советского голода. Обратим внимание, что в англоязычном названии книги указан «украинский голод», однако в русскоязычной части оглавления перевод дан авторами как «“Голодные игры”: советский голод 1932-1933 гг. в истории, историографии и исторической политике» (подчеркнуто нами – Л. К.). При этом на странице, предвещающей русскоязычную часть работы, речь вновь идет об «украинском голоде».

Авторы сосредотачивают внимание на показе сущности новой экономической политики и логики советских властей в решении экономических проблем, отмечают особенности разработки плана первой пятилетки. Они указывают на наличие проблемы накопления средств и констатируют, что в следствие недостатка зарубежных займов руководство СССР могло использовать только внутренние ресурсы. Здесь главными источниками выступали прямые и косвенные налоги, налог с оборотных средств, повышение цен, размещение с 1926 г. займов среди населения, замораживание зарплаты при одновременном увеличении норм выработки и др. В работе отмечается, что «сталинская стратегия строилась на убеждении, что преодолеть

¹ См., например: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 13 (3–4). С. 6–23; Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. Москва: НЛЮ, 2019.

ние экономической отсталости следует добиваться ценой любых социально-экономических, политических, нравственных издержек», а «стратегия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей серьезных жертв и призывала трудящихся сознательно идти на них» (с. 151).

Руководство СССР видело решение финансовых вопросов в коллективизации, уничтожении кулацких хозяйств, ограничении наемного труда. Такая политика вызывала естественный протест населения, на который советские власти реагировали всё более жесткими мерами. Авторы отмечают, что «крестьянство стало основным поставщиком бесплатной рабочей силы для сталинских проектов преобразования экономики», более того в результате проведения насильственной коллективизации происходила эксплуатация крестьян, поставленных в бесправное положение (с. 155). Государство полностью вывозило зерно, включая семенной фонд, из основных зерновых районов, в результате чего начался массовый голод. Он охватил Украину, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье и унес 8,7 млн жизней. Описывая социалистические преобразования и их последствия, авторы ставят под сомнение устоявшееся мнение, что именно экспорт зерна позволил советскому руководству осуществить индустриализацию (с. 158).

В работе подчеркивается, что советская власть отрицала факт голода, создавала видимость благополучия, в то время как о голоде знали все. По мнению авторов причиной голода были целенаправленные действия сталинского руководства, которое изымало из деревни последние ресурсы. И при этом оно не оказывало голодающему крестьянству государственную помощь (с. 161).

Отдельная глава издания посвящена анализу историографии проблемы, в которой выделены три раздела: «Формирование научной историографии Голодомора», «Скандинавская историография Советского голода», «Центрально-европейская историография голода 1932-1933 гг.». В первом представлен анализ работ украинских, американских, немецких и российских исследователей по рассматриваемой проблеме. Авторы считают прорывом российской историографии научное обоснование концепции, определяющей сталинскую насильственную коллективизацию как основную причину голода в СССР (с. 174), а также введение в научный оборот большого количества архивных материалов. Они подчеркивают, что в «дискурсе советского голода» украинские и российские научные публикации зачастую коррелировались и как бы взаимодополняли друг друга. Однако превалирование национального аспекта голода постепенно «развело» исследователей по «национальным квартирам» (с. 175), более того в последнее время историки перестают прислушиваться к аргументам своих оппонентов.

Отдельно авторы остановились на анализе скандинавской историографии советского голода. Они выделили этапы в ее развитии и указали ключевые подходы исследователей в оценке современной украинской историографии проблемы.

Характеризуя центрально-европейскую историографию, авторы отмечают, что еще в 1930-е годы в Польше и Чехословакии хорошо знали ситуацию в Украине, однако в силу ряда причин не поднимали ее на международном уровне. Последовавшая после Второй мировой войны советизация стран привела к тому, что тема Голодомора также не стала предметом специального исследования. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг. после начала демократических преобразований и деидеологизации исторической науки. Характеризуя польскую историографию, авторы подробно остановились на анализе публикаций Р. Кушнежа как наиболее активного исследователя украинского Голодомора и периода после него.

В работе отмечается, что о голоде в СССР хорошо знали и в Чехословакии. Правда, эту информацию ставили под сомнение коммунистические деятели. Среди публикаций XX века по рассматриваемой проблеме авторами были выделены работы Я. Славика, В. Вебера и др. Авторы рецензируемого издания обратили внимание на отсутствие единства в подходах и оценках современных чешских историков, а также обобщающих работ по проблеме Голодомора (с. 196, 198).

Подводя итог, исследователи констатируют, что в последнее время в странах Центральной Европы активно анализируется историческая политика в Украине и Европе в целом по проблеме голода 1932-1933 гг., а также предпринимаются попытки провести параллели между Голодомором и Холокостом.

По мнению авторов монографии историки на сегодняшний день так и не смогли дать «окончательный ответ» обществу по комплексу вопросов, связанных с голодом 1932-1933 гг., но при этом очевидными являются качественные изменения в методологии исследования проблемы. Вместе с тем, они обращают внимание, что выбор источников, формулировка проблем и выводы, к которым приходят ученые, не всегда бывают абсолютно объективные, так как зависят от таких обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя (с. 207).

Четвертая глава рассматриваемого издания посвящена анализу политики памяти в современной Украине и России. В ней отмечается, что в политическом и юридическом отношении для этих стран дискуссия закончена. В Украине рубежной датой авторы называют закон о Голодоморе 2006 г., где определено, что Голодомор – геноцид украинского народа (с. 210). Они также обращают внимание на то, что с 1998 г. в Украине отмечается День памяти Голодомора и политических репрессий (теперь День памяти жертв Голодомора).

Характеризуя научные дискуссии в Украине, исследователи отмечают, они идут преимущественно вокруг термина «геноцид» и того, можно ли его использовать при характеристике голода 1932-1933 гг. То есть в первую очередь речь идет о политико-правовой оценке этого явления. Авторы подчеркивают, что после принятия государственных актов о голоде и оформления государственной интерпретации событий произошло фактическое оформление «прямого государственного заказа», противостоять которому историкам на постсоветском пространстве очень сложно (с. 211-212). В силу этого они прогнозируют продолжение дискуссий в украинском научном сообществе, обращая внимание на тот факт, что со временем ряд исследователей (например, С. Кульчицкий и Г. Касьянов) кардинально изменили свою оценку голода 1932-1933 гг. с точки зрения использования понятия геноцид.

Сравнив политику памяти в Украине и России, авторы обратили внимание на негативную оценку российских исследователей подходов их украинских коллег. Одну из причин этого они видят в государственной политике Российской Федерации, направленной на «противодействие Украине по всему спектру исторической проблематики» (с. 215). Авторы считают необоснованным недовольство российских исследователей тем, что украинские ученые говорят и пишут об «украинской трагедии», и предполагают, что причиной может быть отношение современной российской власти к сталинскому режиму (с. 219). Они ссылаются на современные российские исследования, где речь идет о вытеснении или замене памяти о голоде образами победы в Великой Отечественной войне, на исследования с позиций «травмы» и памяти-«триумфа» и высказывают мнение, что современная российская власть «хочет видеть в советском прошлом «триумфальное шествие», призывает «не очернять историю»» (с. 222).

Рассуждая о наличии или отсутствии «украинской специфики» голода 1932-1933 гг., авторы признают ее существование. Точно так как признают наличие специфики Кубани, Северного Кавказа, Казахстана и других регионов СССР. Они подчеркивают, что голод являлся общесоюзной трагедией (с. 224) и считают, что современные дискуссии российских и украинских исследователей стали выходить за рамки научного обмена мнением.

В заключении авторы отмечают, что в последнее время советский период истории становится предметом не столько научных, сколько политических и идеологических дискуссий. Их участники уверены в своей правоте и том, что их оценка является окончательной. То есть политические акторы используют историческое прошлое для легитимизации «полезного прошлого». В книге отмечается, что для постсоветских государств и народов голод 1932-1933 гг.

до сих пор является «непрошедшим прошлым», а Голодомор «был важен прежде всего для исторического нарратива и исторической памяти, которые сильно влияют на современное самовосприятие постсоветских государств» (с. 236). Авторы также показывают подходы современных правительств Украины, России, США, Израиля к рассматриваемой проблеме, отмечая влияние внутри- и внешнеполитических факторов на их позиции.

Следует отметить, что в ходе проведения исследования историки использовали значительный массив литературы и источников (он приведен в книге), а также предложили расширенный список источников и литературы по проблеме. В работе также представлен раздел «Персоналии» (с. 97-136), где указаны ведущие специалисты по проблеме голода 1932-1933 гг. в Украине, их основные исследования по этому вопросу и выводы.

Оценивая коллективную работу В. И. Меньковского, М. Шмигеля и Е. Дубинка-Гуща, заметим, что в ней представлены подходы современных историков и исследователей по вопросам голода 1932-1933 гг. в Украине. Приведенный список использованной литературы и источников свидетельствует о колоссальной проделанной работе международной команды историков. Правда, в ряде случаев за ссылками на мнение специалистов не всегда четко прослеживается собственная позиция авторов.

Подводя итог, можно констатировать, что исследователям удалось объединить в одной работе три большие научные проблемы – историю голода, ее отражение в историографии и использование проблемы голода в политике памяти, обозначив при этом основные научные достижения и перспективы дальнейших исследований по проблеме. А тот факт, что книга издана на двух языках, делает ее доступной для широкой аудитории исследователей.

Козик Любовь Антоновна, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета e-mail: lubov.kozik@gmail.com